

© Т. С. КАРАЧЕНЦЕВА

Иерусалимский университет (Израиль)

tanyakrster@gmail.com

Tatiana.Karachentseva@mail.huji.ac.il

УДК 1(470+571)

**БАХТИН, ХРОНОТОП И ДВЕ ЭСТЕТИКИ КАНТА
(КОММЕНТАРИЙ К ОДНОМУ ПРИМЕЧАНИЮ)**

**BAKHTIN, CHRONOTOPE AND TWO KANT'S AESTHETICS
(COMMENTS TO SOME FOOTNOTE)**

В статье рассматривается парадокс понятия «хронотоп», состоящий в том, что, по замыслу Бахтина, это понятие должно быть и категорией (в кантовском смысле), и формой созерцания одновременно. В качестве инструмента исследования используется метод сравнительного анализа эстетики Канта (в двух ее смыслах) и эстетики Бахтина. Показывается, что непротиворечивая интерпретация понятия «хронотоп» как категории литературы и одновременно как формы эстетического видения становится возможной лишь на основе бахтинской идеи о том, что у эстетики есть собственные, не заимствованные из теории познания или этики, категории, посредством которых «реальная действительность» переводится в измерение изображения.

This article deals with the conceptual paradox of the notion of chronotope, which consists in the fact that, according to Bakhtin, this notion must be a category (in the Kantian sense) and, at the same time, a form of intuition. The comparative analysis of Kant's aesthetics (in its two senses) and Bakhtin's aesthetics is used as a research tool. It is shown that a consistent interpretation of the chronotope both as a category of literature and a form of vision becomes possible only on the basis of Bakhtin's idea that aesthetics has its own categories, not borrowed from the theory of knowledge and ethics, by which the "real existence" is transposed into the dimension of literary presentation.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Эстетика, категория, созерцание.

KEY WORDS. Aesthetics, category, intuition.

Поэтика, определяемая систематически, должна быть эстетикой словесного художественного творчества. Это определение подчеркивает ее зависимость от общей эстетики.

М. М. Бахтин

Понятийный статус термина «хронотоп» до сих пор остается неопределенным, если не загадочным. Во всяком случае способ, посредством которого М. Бахтин вводит этот термин в ставшей уже классической работе «Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике» [1], содержит очевидный парадокс. С одной стороны, Бахтин вводит хронотоп как *кате́го́рию* литературы (формально-содержательную), конституирующую, как и положено категории,

предмет исследования исторической поэтики: хронотоп в этом смысле выступает не некоторой данностью, подлежащей исследованию, но самим способом исследования. С другой стороны, вводя хронотоп как категорию, Бахтин поясняет смысл введенного им термина с помощью отсылки не к концепциям времени Г. Когена, Э. Кассирера или А. Бергсона, но непосредственно к трансцендентальной эстетике Канта, отказывающей времени и пространству в категориальном статусе. Иными словами, если бахтинская отсылка к трансцендентальной эстетике имеет осмысленный характер, то хронотоп должен быть одновременно и формой созерцания, посредством которой предмет (в данном случае — литература) дан, и категорией, посредством которой этот предмет мыслится. В терминах Канта первой Критики, а именно к ней отсылает Бахтин, подобная одновременность, конечно, невозможна.

Как должен мыслиться тот концептуальный контекст, в котором подобного рода одновременность, подразумевающая совмещение форм созерцания и категорий литературы, становится возможной? Предполагает ли подобное совмещение трансформацию кантовского понятия формы созерцания или оно его сохраняет? Удерживается ли этим совмещающим контекстом кантовское понимание категориальности или оно радикально переосмысливается? Вот, собственно, те вопросы, которые содержатся в парадоксе термина «хронотоп» и которые я бы хотела обсудить в данной статье.

Концептуальный контекст, в котором хронотоп мог бы мыслиться как категория литературы и одновременно как созерцание, вряд ли может быть извлечен только из текста ФВХР (форма времени и хронотопа в романе), если этот текст читается и принимается в том виде, в каком Бахтин подготовил его к печати в 1973 г. В известном нам сегодня виде ФВХР содержит не только тематически очевидную отсылку к позднему Бахтину (как к книге о Рабле [2], так и к книге о Достоевском [3], если не ко всей, то по меньшей мере к ее 4-й главе). Текст содержит также и концептуальную отсылку к Бахтину раннему [4; 5], которую сам Бахтин счел необходимым эксплицитно проявить в заключительной (10-й) главе. Концептуальный контекст совмещения категории и созерцания, следовательно, столь же проблематичен, сколь проблематично понятие хронотопа, поскольку согласовать позднего Бахтина, т. е. Бахтина карнавального и/или диалогического, с ранним Бахтиным, т. е. Бахтиным «нравственной философии жизни», чаще всего удастся лишь посредством их противопоставления. Иными словами, непротиворечивая интерпретация понятийного статуса термина «хронотоп» возможна лишь в той мере, в какой возможно совмещение концептуального поля, введенного ранними работами Бахтина, с тем концептуальным полем, в котором движутся его поздние работы.

С точки зрения основного тезиса, развиваемого в этой статье, такое совмещение и такая интерпретация вполне возможны, но условием осуществления этой возможности выступает выбор основания, адекватного требуемому совмещению. Опыт бахтинологии, как мне кажется, с достаточной очевидностью свидетельствует о том, что в качестве подобного основания никак не может быть взята одна из бахтинских концепций (например, диалога или карнавала, события бытия или поступка, полифонии или мениппеи). Но на роль такого основания вполне могло бы претендовать понимание той *проблемы*, на артикуляцию и разрешение которой нацелены (если не все, то по меньшей мере основные) работы как раннего, так и позднего Бахтина.

Моя гипотеза состоит в том, что проблема, объединяющая корпус концептуально разнородных бахтинских работ единством проблематики, в этом корпусе присутствует, а имя этой проблемы — эстетика. В качестве методологии, позволяющей представить данную проблему именно как проблему (а не набор ее решений), я буду использовать концептуальную артикуляцию двух эстетических проблематик: проблематики эстетики Канта (как эстетики в смысле третьей Критики [6], так и эстетики в смысле первой Критики [7]) и проблематики эстетики Бахтина. Я полагаю, что лишь посредством такой методологии возможно реконструировать смысл бахтинского понимания эстетики как проблемы, а вместе с тем и проявить понятийный статус ее концептуального аппарата, в том числе, и понятия «хронотоп». Я надеюсь также показать, что только одна кантовская эстетика — эстетика «Критики способности суждения» (КСС) — может служить точкой отсчета при реконструкции бахтинского понимания эстетики как проблемы.

Свою реконструкцию я, однако, начну не с прямого обращения к КСС, но с анализа той самой бахтинской отсылки к Канту в ФВХР, которая, собственно, и превращает «формально-содержательную категорию литературы» в трудноразрешимый парадокс. Я приведу эту отсылку полностью, хотя она хорошо известна, как хорошо известно и то обстоятельство, что сформулирована она всего лишь в одном из примечаний, равно как и то, что отсылает она не к третьей Критике и даже не к двум Критикам сразу, но только к первой: «В своей «Трансцендентальной эстетике» (один из основных разделов «Критики чистого разума») Кант определяет пространство и время как необходимые формы всякого познания, начиная от элементарных восприятий и представлений. Мы принимаем кантовскую оценку значения этих форм в процессе познания, но, в отличие от Канта, мы понимаем их не как «трансцендентальные», а как формы самой реальной действительности. Мы попытаемся раскрыть роль этих форм в процессе конкретного художественного познания (художественного видения) в условиях романного жанра» [1, с. 342].

На первый взгляд, приведенное «кантовское примечание» Бахтина не только не поддерживает мою гипотезу, но и явно ей противоречит. Кажется, что вопреки моему предположению сам Бахтин строит свои отношения с Кантом на территории проблемы познания, а вовсе не проблемы эстетики. Кажется также, что суть этого отношения состоит в преобразовании кантовского трансцендентального поля, подразумевающего жесткое разделение между формами созерцания и категориями, в нечто, что Бахтин назвал «реальной действительностью», снимающей это разделение. Создается впечатление, что в своем «кантовском примечании» Бахтин намечает ту траекторию концептуального движения, которое в конечном счете должно привести к слиянию эстетической проблематики с проблематикой эпистемологии.

Если это действительно так и основной текст ФВХР движется именно по этой траектории, то «Заключительные замечания» находятся в вопиющем противоречии с предшествующими главами, поскольку возвращают эту траекторию слияния к концептуальному контексту отграничения эстетики прежде всего от эпистемологии, но также и от этики. Тогда следует признать, что текст ФВХР несостоятелен как целое, контекст позднего Бахтина несовместим с контекстом раннего Бахтина, а согласование формы созерцания с категориальностью в понятии хронотопа возможно лишь посредством его перетолкования из категории литературы в категорию познания. А если все это признать, то реконструкцию контекста Бахтина в его

отношении к кантовскому контексту следует редуцировать к ответу на вопрос — выходит ли Бахтин за рамки кантовского трансцендентализма или он лишь смещает предмет трансцендентального исследования с субъективных условий познания объекта на сам объект, не покидая трансцендентализма. Собственно, это и есть тот вопрос, который обеспечивает как общую почву устоявшихся комментаторских стратегий, адресованных ФВХР, так и возможность альтернативных интерпретаций понятия «хронотоп» в рамках этого вопроса [8].

Вместо следования маршрутом этого вопроса (который, с моей точки зрения, заводит бахтинологию в тупик) я бы предложила вернуться к тому, что Бахтин назвал «формами реальной действительности», отличив их от «трансцендентальных форм». Но вместо разгадывания смысла, вложенного Бахтиным в выражение «реальная действительность», я бы предложила задаться совершенно другим вопросом, а именно: имеет ли смысл это выражение на языке Канта? Ответ, безусловно, должен быть положительным, и эту положительность легко продемонстрировать.

Априорные формы времени и пространства, строго говоря, являются необходимыми элементами всякого познания, а не его формами, как пишет в своем примечании Бахтин. По Канту, любая форма познания, даже самая элементарная, предполагает определение априорной формы времени (внутреннего чувства) категориями рассудка. Априорные определения времени категориями (количества, качества, отношения и модальности) Кант называет схемами. Схематизация категорий (их синтез со временем как формой созерцания) порождает ряд новых понятий. Одно из таких понятий — реальность. «Реальность (вещность) или трансцендентальная материя вещей, — говорит Кант, — есть то в явлениях, что соответствует ощущениям. Ощущение есть интенсивная величина, благодаря чему может заполняться время» [7, с. 160]. Реальность, по Канту, есть результат изображения категории качества в объекте, т. е. результат наполнения ощущениями пустой формы времени (которая сама по себе есть также не что иное, как схематизация категории, только не категории качества, а категории количества).

Другим новым понятием, порождаемым синтезом формы времени и категорий, является понятие действительности. Понятие действительности, по Канту, вовсе не дублирует понятие реальности. Если понятие реальности обретает свой смысл из соотношения с понятиями бытия и небытия, то понятие действительности требует соотношения с иными понятиями, а именно — понятиями возможного и необходимого. Действительность, по Канту, есть результат схематизации категории модальности, а не качества, т. е. изображение в объекте модальной категории существования.

Иными словами, выражение «реальная действительность», будучи сформулированным в кантовской терминологии, вовсе не является тавтологией или риторической фигурой усиления, но имеет точный понятийный смысл. Оно отсылает к эмпирическому пространству объективных форм, описанием которого, собственно, и выступает изображение категорий в объектах посредством определения ими формы времени. Теряет свою точность это выражение, обретая привкус тавтологичности и риторичности, только в бахтинском его использовании. Можно указать то конкретное место в «кантовском примечании» Бахтина, где эта потеря происходит: происходит она в последней фразе примечания, в которой Бахтин замещает кантовское познание феноменов, конструирующее реальную действительность эмпирического мира, художественным познанием.

Вместе с тем вряд ли это замещение можно рассматривать как акт предательства Бахтиным своих ранних работ и переход на неприемлемую для этих работ позицию «эстетики содержания» (шеллинговского или гегелевского типа) или на позицию «материальной эстетики» (психологического или лингвистического толка), в рамках которых художественное познание рассматривается как разновидность познания вообще. Художественное познание, как немедленно поясняет в скобках Бахтин, есть художественное *видение*, т. е. оно продолжает мыслиться в рамках кантовской традиции различения созерцания и категорий, которой придерживался ранний Бахтин. Но художественное видение, коль скоро оно поставлено в бахтинском примечании на место кантовского эмпирического созерцания, как раз и не выводит к «реальной действительности», поскольку не заполняет время ощущениями, сообщающими предмету эмпирическую реальность, и не детерминирует действительность предмета, выявляя степень его возможности и необходимости в системе объективных связей эмпирического мира. Отношения художественного видения со временем и пространством строятся совершенно иначе, и основной текст ФВХР, собственно, и посвящен проявлению этой инаковости: художественное видение не конструирует «реальную действительность», оно ее, как выражается Бахтин, осваивает.

Потеря точности выражения «реальная действительность» в бахтинском примечании в таком случае связана не с концептуальным замещением познания художественным видением, но с совмещением в одном выражении двух разных способов отношения к этой реальной действительности. Как связаны эти два способа отношения и как возможен переход от одного отношения к другому? Этого примечание не проясняет, как не дает развернутого ответа на эти вопросы и основной текст ФВХР, хотя предпосылкой и движущим нервом ФВХР как раз и выступает предположение о наличии такой связи и о возможности такого перехода. Тем не менее основной текст ФВХР все-таки дает ту степень конкретизации этих вопросов, которая превращает поиск ответа на них в не совсем безнадежное предприятие, а артикуляцию взаимоотношения кантовской и бахтинской эстетик — в осуществимую задачу.

Вопрос о связи двух способов отношения к реальной действительности в основном тексте Бахтин формулирует как вопрос о связи *романного* художественного времени и *романного* художественного хронотопа с реальным хронотопом и реальным временем. Время, которое осваивает роман, есть вполне определенное время: время, оторванное от природных циклов, от движения звезд и от движения вообще. Это и есть то время, которое сорвалось с петель и потеряло стержень, вращение вокруг которого могло бы вписать его в определенную форму движения (земного или небесного). Это время — время прямой линии и пустой формы. Образно говоря, речь идет о гамлетовском времени [9], а выражаясь более точным понятийным языком, речь идет о времени как априорной форме созерцания, концептуализированной Кантом. Иными словами, трансцендентальная эстетика Канта служит непосредственным основанием бахтинского понимания реального времени, а опосредованно — через схематизм — также и основанием понимания реального хронотопа. Она же дает и основание утверждению Бахтина о том, что задача художественного изображения именно этой пустой формы времени конституирует генезис романа как особого литературного жанра. На том же основании Бахтин противопоставляет

роман эпосу, а свою теорию романа — всем тем концепциям романного жанра, которые трактуют его как разновидность эпоса (в первую очередь, конечно, концепциям Шеллинга и Лукача). Но трансцендентальная эстетика не дает никакого основания для концептуализации *романного* времени точно так же как схематизм не дает методологии распознавания *романных* хронотопов и не объясняет связи реальных хронотопов с романскими.

Предоставляет ли такое основание исследованию времени и хронотопа в романе третья кантовская Критика? Может ли служить таким основанием кантовское понимание проблемы эстетики как проблемы моста, связывающего два разных способа мышления (теоретического и практического), но и одновременно разделяющего их? Может ли служить таким основанием кантовское понимание темпоральности эстетического опыта, движущегося в измерении «как если бы», оторванного от пространства «реальной действительности»? Может ли служить таким основанием кантовское понимание преобразующей функции эстетического суждения, трансформирующей эмпирическое созерцание в созерцание эстетическое, а схематизм — в символизм (в его специфически кантовском смысле)?

В определенном смысле — да, может. Но этот определенный смысл предоставления кантовской эстетикой оснований для развертывания эстетики бахтинской, проявить который, замечу как бы в скобках, позволяют только ранние работы Бахтина, не сводится к заимствованию, простому воспроизведению или даже развитию кантовской стратегии концептуализации эстетики. Скорее, наоборот: свою определенность этот смысл получает в процессе преобразования Бахтиным кантовской эстетики (но именно кантовской, а не какой-либо иной). Существо этого преобразования можно свести к нескольким пунктам.

Во-первых, Бахтин трансформирует кантовское понимание эстетики как проблемы. В бахтинской эстетике речь идет уже не об обосновании эстетики как объединяюще-разъединяющей границы, но об обосновании границ эстетики, которыми могла бы быть очерчена некоторая область, отличная как от этики, так и от познания. Кант, как известно, отказал эстетике в праве на конституирование собственной области, которая могла бы быть чем-то третьим в дополнение к природе и свободе. Однако и границами бахтинской эстетики очерчивается вовсе не дополнительный онтологический регион (например, регион искусства): границы эстетики мыслятся Бахтиным как темпоральные. Причем эта темпоральность границ эстетики осмысливается в прямой опоре на Канта: Бахтин развертывает кантовскую темпоральность «как если бы» в концепт «абсолютного прошлого», отличного как от этического «абсолютного будущего», так и от пустой формы времени познания.

Во-вторых, Бахтин оспаривает кантовский тезис о том, что у эстетики нет и не может быть собственных понятий (вся понятийная система исчерпывается, по Канту, категориями рассудка и идеями разума, не оставляя места для чего-то третьего). Собственно, это и есть основополагающая идея эстетики Бахтина: Бахтин полагает, что он нашел те специфически эстетические понятия, которыми конституируются границы эстетики и структурируется эстетический опыт. Иными словами, Бахтин полагает, что нашел те понятия, которые функционируют в эстетике как категории (в кантовском смысле — категориальности). Речь, разумеется, идет о бахтинских категориях автора и героя, которые, будучи понятиями категориально, отсылают не к реальным художникам и их персонажам, но к специфически эстетическому по-

ниманию нейтральных самих по себе категорий формы и содержания: автор — изображающая форма, герой — изображаемое содержание.

В-третьих, Бахтин переосмысливает кантовское объяснение генезиса эстетического созерцания. По Канту, эстетическое суждение, опираясь на принцип целесообразности природы (недопустимый в познании, но оправданный в качестве основы эстетического суждения), перестраивает эмпирическое созерцание, превращая его в эстетическое. Техника этого превращения состоит в следующем: эстетическое суждение блокирует возможность синтеза категорий и априорной формы времени, переводя тем самым внутреннее чувство (время) из измерения погруженности в деятельность, упорядочивающую объективные всеобщие связи феноменального мира, в измерение субъективной оценки одного и единственного предмета, изъятого из всеобщих связей (вот этого, например, цветка). Бахтин, хотя и воспроизводит в работе «Автор и герой в эстетической деятельности» (АГ) [4], практически дословно, кантовское описание формальной структуры эстетического созерцания, предлагает тем не менее принципиально иное объяснение его генезиса. По Бахтину, эстетическое созерцание ведет свое происхождение не от эмпирического созерцания, но от поступка: не эстетическое суждение преобразует эмпирическое созерцание в созерцание эстетическое, но поступок преобразует сам себя, трансформируя чисто жизненное отношение «я-другой» в отношение изображения жизни в категориях «автор-герой».

Перечисленные «во-первых», «во-вторых» и «в-третьих», в сущности, означают только одно: хотя эстетика Бахтина и становится, так сказать, видимой во всем своем значении и радикальности лишь будучи артикулированной на фоне кантовского контекста, реальным основанием исследования хронотопа выступает именно она, а не эстетика третьей Критики, тем более не эстетика Критики первой. Лишь в контексте собственной эстетики Бахтина, выработанной уже в ранних работах и продолжающей служить основанием работ поздних, категория оказывается совместимой с созерцанием, поскольку мыслится как структурирующее это созерцание основание. Понятный статус хронотопа как формально-содержательной категории литературы и одновременно как формы созерцания (видения, по Бахтину) становится понятным в контексте бахтинской идеи о том, что у эстетики есть собственные, не заимствованные из теории познания или этики, категории, посредством которых «реальная действительность» переводится в измерение изображения. Литературоведческий анализ Бахтина (в случае ФВХР — хронотопический анализ генезиса романа) базируется на его эстетических категориях. В этом смысле нет никакого методологического разрыва между АГ и ФВХР: в ФВХР Бахтин анализирует изображенный хронотоп героя (и его мира), исходя из тех же оснований, которые он развил в АГ, анализируя изображающий хронотоп автора. «Заключительные замечания» лишь эксплицируют ту нить категориальной эстетики видения, которая связывает воедино тексты раннего и позднего Бахтина.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бахтин М. М. *Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике* // *Собрание сочинений*: в 7 т. М.: Русские словари, 2012. Т. 3. С. 340-503.
2. Бахтин М. М. *Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса* // *Собрание сочинений*: в 7 т. М.: Русские словари, 2010. Т. 4 (2). С. 7-516.
3. Бахтин М. М. *Проблемы поэтики Достоевского* // *Собрание сочинений*: в 7 т. М.: Русские словари, 2002. Т. 6. 732 с.

4. Бахтин М. М. Автор и герой в эстетической деятельности // Собрание сочинений: в 7 т. М.: Русские словари, 2003. Т. 1. С. 69-264.
5. Бахтин М. М. К философии поступка // Собрание сочинений: в 7 т. М.: Русские словари, 2003. Т. 1. С. 1-68.
6. Кант И. Критика способности суждения // Собрание сочинений: в 8 т. М.: Изд-во «Чоро», 1994. Т. 5. 414 с.
7. Кант И. Критика чистого разума // Собрание сочинений: в 8 т. М.: Изд-во «Чоро», 1994. Т. 3. 592 с.
8. Bemong N., Borghart P. (ed.) Bakhtin's Theory of the Literary Chronotope: Reflections, Applications, Perspectives. Gent: Academia Press, 2010. 250 p.
9. Делез Ж. О четырех поэтических формулах, которые могли бы резюмировать философию Канта // Делез Ж. Критика и клиника. СПб.: Machina, 2002. С. 13-17.

REFERENCES

1. Bakhtin, M. M. *Formy vremeni i hronotopa v romane. Ocherki po istoricheskoy pojetike* [Forms of time and chronotope in the novel. Essays on historical poetics] // Works in 7 vols. M.: Russian dictionaries, 2012. Vol. 3. Pp. 340-503. (in Russian)
2. Bakhtin, M. M. *Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaja kul'tura srednevekov'ja i Rennsansa* [Creativity of Francois Rabelais and popular culture of the Middle Ages and the Renaissance] // Works in seven vol. M.: Russian dictionaries, 2010. Vol. 4 (2). Pp. 7-516. (in Russian)
3. Bakhtin, M. M. *Problemy pojetiki Dostoevskogo* [The problems of Dostoevsky's poetics] // Works in 7 vols. M.: Russian dictionaries, 2002. Vol. 6. 732 p. (in Russian)
4. Bakhtin, M. M. *Avtor i geroy v jesteticheskoy dejatel'nosti* [Author and Hero in Aesthetic Activity] // Works in 7 vols. M.: Russian dictionaries, 2003. Vol. 1. Pp. 69-264. (in Russian)
5. Bakhtin, M. M. *K filosofii postupka* [Towards a philosophy of the act] // Works in 7 vols. M.: Russian dictionaries, 2003. Vol. 1. Pp. 1-68. (in Russian)
6. Kant, I. *Kritika sposobnosti suzhdenija* [Kant I. Critique of Judgment] // Collected Works in 8 vols. M.: Choro, 1994. Vol. 5. 414 p. (in Russian)
7. Kant, I. *Kritika chistogo razuma* [Kant I. Critique of Pure Reason] // Kant I. Collected Works in 8 vols. M.: Choro, 1994. Vol. 3. 592 p. (in Russian)
8. Bemong, N., Borghart, P. (ed.). *Bakhtin's Theory of the Literary Chronotope: Reflections, Applications, Perspectives*. Gent: Academia Press, 2010. 250 p.
9. Deleuze, G. *O chetyreh pojeticheskikh formulah, kotorye mogli by rezjumirovat' filosofiju Kanta* [On four poetic formulas which might summarize the Kantian philosophy] // Deleuze Critical and clinical. SPb.: Machina, 2002. Pp. 13-17. (in Russian)

Автор публикации

Караченцева Татьяна Станиславовна — доктор философии, кафедра философии, факультет гуманитарных наук, Иерусалимский университет (Израиль)

Author of the publication

Tatiana S. Karachentseva — The Department of Philosophy, The Faculty of Humanities, The Hebrew University of Jerusalem (Israel)